

Клин клином

Автор:

Юрий Темирбулат-Самойлов

Клин клином

Юрий Темирбулат-Самойлов

Мать собственными руками лишает дочь счастья, искренне озаботившись ее будущим материальным и прочим с материальными благами связанным благополучием. Пытаясь всеми возможными способами расстроить брак любимой дочери с рядовым студентом-троечником – выходцем из простой трудовой семьи, она – представительница чуть ли не «высшего света», решается на крайнюю низость... На помощь влюбленным приходит студенческая солидарность в лице стройотрядовцев, сыгравших для молодых самую настоящую, «пир горой», свадьбу. Без участия «злой тещи» Уязвленная теща идет на целый ряд еще больших низостей... В результате дочь лишается счастья материнства – становится бесплодной. А сама виновница этого – несостоявшейся бабушкой, и когда на склоне лет ей, больной и одинокой, так захочется прижать к груди крохотное живое существо, хоть чуть-чуть похожее на нее, прижать будет некого...

Юрий Темирбулат-Самойлов

Клин клином

– Ох, и чудо-о-вище эта твоя тёща, Кирюх! Та-ко-о-е отмочить... даже моя бы, наверное, не сподобилась, – судорожно преодолевая внезапную остановку

дыхания от шокоподобного восхищения, смог вымолвить, наконец, стройотрядный комиссар Серёга Шпынь.

– А она, брат ты наш Серёжа, твоя-то, вообще хоть на что-нибудь способна? – презрительно сплюнув, обронил молчавший до этого командир отряда Валера Жбанко. – Напечь любимому зятю к масленице блинов комьями да под эти комки друзей зятя вместо рюмочки жидким чаем попотчевать – великий подвиг?

– Ладно, пусть не такой уж и подвиг. А, рискуя попасть под суд за самогонварение, раскидать во все инстанции жалобы на зятя за воровство для друзей пятидесятиградусного зелья из её схронов, это, по-твоему, заурядно? – тщился отстоять хотя бы минимально уважительное представление друзей об уровне злыденского мастерства своей тёщи Серёга.

– А это уже дурь совсем никакая, – небрежно парировал Валера. – Вот Кирюхина, судя по всем показателям, мегера ещё та, высший пилотаж!

– Ас! Кто спорит-то? Об этом я, промежду прочим, и толкую с самого начала. Скажи, Кирюх! – покладисто сдался почти без боя, ничуть не обидевшись на командира за столь презрительную оценку «тёщинского» профессионализма родительницы своей жены комиссар: что ни говори, а подковырнул его приятель справедливо – больше себе, чем зятю портила она жизнь своими бестолковыми акциями против него. На правду же порядочные люди не обижаются.

– Причём, и не совсем ведь пока она Кирюхе тёща. Полуфабрикат, можно сказать... – глубокомысленно изрёк командир.

– Кандидатка вшивая, а надо же! – с энтузиазмом подхватил комиссар.

– Не такая уж и вшивая, как я погляжу. С первой же попытки так знатно апробировать талант зятеиз... уничтожительницы, в общем... не всякой дано.

– Да-а... Зверь-баба.

– Ещё какая зверюга! О-о-й... мне сейчас плохонько станет. Ломит, не могу! – полуприсел, то ли притворно, то ли всамделишно корчась от внезапной ломоты промеж ног Валера.

– Нет, эт точно невозможно... – вторил ему, тоже не совсем понятно, то ли в шутку, то ли всерьёз сжимая колени и сильно морщась, Серёга.

– И угораздило же тебя, Кирюх! – хором выдохнули оба.

Собеседника своего Кирилла, из-за которого, собственно, и разгорался сейчас весь этот сыр-бор, командир и комиссар, из товарищеской солидарности формально обращаясь непосредственно к нему, на самом деле, судя по их мало соответствующему серьёзности момента поведению, не видели и не слышали, хоть и стоял Кирюха, переминаясь с ноги на ногу, совсем рядом, напротив них. Гораздо интереснее для молодых повес было нечто иное...

И немудрено: отследив направление алчных взглядов Валеры и Сереги, даже самый закоренелый пуританин понимающе кивнул бы, поджав истекающие слюной губы. Оба взгляда были дружно упёрты в одну и ту же точку, целиком и полностью поглотившую всю их зрительную энергию – в центр цветной групповой фотографии, которую держал дрожащей от возбуждения рукой комиссар Серёга.

На этом фото, в окружении прочих домочадцев, смиренно стоявших по бокам, хозяйски уверенно вальяжно восседала в роскошном кресле мать кирюхиной невесты – неземной красоты женщина без возраста с надменной и одновременно порочно-обольстительной полуулыбкой.

Всё, что было мужского в здоровых организмах обоих парней, под началом интеллектуальной составляющей сосредоточилось в это мгновенье

на разгадывании одного сверхвопроса: чего же всё-таки больше обещает эта потрясающая ухмылка, – райских наслаждений или совсем противоположного... вроде мук адских, например? Или же жутчайшего коктейля из того и другого, намешанного «в одном флаконе»? Скорее всего – последнее. Но кто из мужей земных способен, испробовав подобного коктейля, не кирдыкнуться в одночасье? Уж не Кирюха, факт. Во всяком случае, без помощи верных друзей.

– А может, Кирюх, пока не поздно, развернуть тебе оглобли в обратку? – почесал свою выгоревшую на летнем солнце до состояния сухой соломы кудлатую макушку Валера Жбанко.

– Эт точно, Кирюх, такая мадамища кого хошь в пыль сотрёт. И не чихнет, уж поверь старшим товарищам, – авторитетно поддержал командира, смачно цокая языком, комиссар Серёга.

При этом обоим «старшим товарищам», чего уж тут удивляться, с одинаковым трудом удавалось в пику прущему сквозь все органы чувств восторгу изображать хоть какое-то подобие солидарной мужской ненависти. Но из них двоих по статусу и по рангу командиру всё же предписывалось держаться солиднее, сдержаннее, хладнокровнее, строже. И он честно постарался выразить соответствующие командирские качества в как можно более мудром успокоительном высказывании. Не в силах оторвать страждущего взгляда от фотографии, Валера, приняв отечески-покровительственный вид, изрёк пророчески-сакраментально:

– Чует моё искушенное в житейских передрягах сердце, брат ты наш Кирилл, что твой этот случай – пока только нежные, безобидные цветики, пробная демонстрация злым и коварным противником своих потенциальных возможностей. Так называемая разведка лёгким боем. А уж какие ягодки могут появиться после этих цветиков – гадать страшно. Да-а... Тёщицу тебе чёрт подсылает, прямо скажем... Ух!

– Эт, Кирюх, за грехи твои воздаётся. Говорили тебе, не сачкуй с лекций, не передирай чужие конспекты, не изобретай хитроумные шпаргалки перед экзаменами, – схохмил, пытаюсь как-то разрядить напряжённость в настроении младшего товарища, комиссар Серёга, при этом как и командир ни на долю секунды не отрываясь от наиприятнейшего на данный момент занятия – разглядывания фотоизображения чудо-тёщи, выпавшей на долю незадачливого бедолаги Кирилла.

– Кобели бесстыжие! Давайте сюда фотку, а то ещё чуть, и прямо в штаны изойдёте, – оборвала в равной степени бестолковые и беспомощные эмоциональные излияния отрядных начальников дородная грудастая тридцатитрёхлетняя холостячка Катерина. В будущем областной арбитражный судья, а пока что второкурсница, профорг и повар отряда Катя Иванова с присущим случаю достоинством солидно и степенно носила и «на все пять баллов» оправдывала своим незыблемым авторитетом подаренную ей с первых же дней учёбы в институте каким-то студентом-острословом уважительную кличку «Мать».

Отобрав у зазевавшегося Серёги снимок, Мать наигранно-сварливо проворчала:

– Чем на чужих потенциальных родственниц похабно зыриться, пошевелили бы лучше своими ленивыми извилинами, как мальчишке помочь. Глядите вон, совсем закис, бедняжка.

«Бедняжка-мальчишка» – двадцатидвухлетний симпатяга и скромняга, середнячок в учебе и работе, их однокурсник и единомышленник, но из-за той же скромности нрава чаще идейный, чем практический соучастник в досуговых проделках и похождениях Кирилл Бубнов всё это время, пока руководящий «треугольник» отряда в лице командира, комиссара и профорга переваривал полученную от него информацию о первых, но уже крайне злостных и изошрённых проделках его будущей тёщи (в будущемности этой резонно начали появляться кое-какие сомнения), тупо ходил из угла в угол, понуро-машинально сгибая руками то в самолётик, то в журавлик бланк телеграммы. Той самой, что так озадачила сначала его самого, а теперь и некоторых удостоенных посвящения в её содержание стройотрядовцев.

Ради телеграммы этой, узнав о её существовании и желая собственными

глазами убедиться в немыслимой подлости со стороны (сразу было ясно, чьих рук это дело) такой красивой и умной женщины, как мать его невесты Вики, Кирилл, назанимав у соотрядников денег на авиабилет, специально слетал домой к своим родителям в южноказахстанский городок Абай. Родителей, правда, к этому моменту и след простыл – получив несколько удивившую их телеграмму, они, пожав плечами, без возражений однако воспользовались изложенным в ней советом и спокойно поехали отдыхать на курорт. На целый месяц. Тем более, что чемоданы, хотя и для другой цели, в дорогу давно собраны, хлопот никаких. Соседка, которой были оставлены ключи для присмотра за квартирой, отдала Кириллу телеграмму, тут же мгновенно им прочитанную, целёхонькой. Вопросы, увидев, что на юноше лица нет, задавать поостереглась.

– Мать, а может с Козлом посоветоваться? – сделавшийся, как только его лишили счастья созерцания возбуждающей лучшие мужские чувства фотографии, мудрым и рассудительным, то есть возвратившись в обычное состояние, Валера Жбанко, при всех своих положительных качествах, при всей искренности в желании помочь Кирюхе Бубнову разбить в пух и прах козни его стервозной красавицы-тёщи, не забывал, однако, важного постулата ответственного

работника любой советской структуры: если есть хоть малейшая возможность переложить ответственность за принятие какого бы то ни было решения на чужие плечи, грех этим не воспользоваться. Тем более если, как в настоящий момент, речь идет о деньгах, о вероятном выделении из кассы крупного аванса, что, в общем-то, не очень приветствовалось в строительных отрядах. Невзирая на строжайшее табу воинствующего коммунистического атеизма того времени, большинство держателей студенческой казны почему-то в глубине души верило в некоторые приметы. В частности в то, что бездумное сорение деньгами в настоящем времени может повлечь сужение или даже полное прекращение их потока в будущем.

Но... на кого в данном случае удобнее всего перевалить ответственность

пусть даже не за решение (решать всё равно придётся сообща), а хотя бы за идею выделить попавшему в беду Кириллу немаленький денежный аванс под его будущую зарплату? А то как не отработает?.. Выделять-то, конечно, надо, иначе мы что, нелюди какие, нечеловеки? А отвечать в случае чего, пусть даже всего лишь морально за предложение, повлекшее коллегиальную ошибку – опять же неохота. Как-никак в Советском Союзе живём, а не в анархии какой-нибудь, где можно казну разбазаривать не глядя.

Пошевелив, по настоянию Матери Катерины, своими «ленивыми извилинами», командир Валера пришёл к гениальному в своей простоте и правильности выводу, что лучше всего подсунуть инициативу в принятии единственно порядочного и человеческого в данной ситуации, но всё-таки в определённой степени рискованного решения – куратору отряда, члену отрядной ревизионной комиссии, странноватому очкарику, не умеющему не то что пить и курить, а даже элементарно материться молодому преподавателю, аспиранту Митрофану Козлову. Класс!

– Ну, так советуйтесь, в чём же дело? – чуть насмерть не убил опешившего Валеру тихий, подчёркнуто спокойный, ехидно-вежливый голос Козлова, неведомо как совершенно неслышно оказавшегося рядом, прямо за распахнутым окном первого этажа ремонтируемого студентами под патронатом профессиональных строителей здания, где и происходила описываемая сцена.

– М-м... Митрофан Трофимыч! Здравствуйте... – взаимно-вежливо промямлил растерявшийся до побледнения в лице командир отряда.

– Здрасьте, здрастьте ещё раз, ребята-командиры! Мы ведь сегодня уже раза четыре виделись, а, Валер? – куратор изо всех сил разыгрывал миролюбивое простодушие. За «Козла» Жбанко конечно же ответит, но позже, осенью, когда начнутся семинарские занятия. А пока, в настоящий момент, крайне интересно не оборвать столь любопытный, способный заинтриговать даже безнадежного флегматика разговор, только что почти совсем нечаянно подслушанный. И неплохо бы принять ненавязчивое участие в его продолжении.

– Ну так вот, Митрофан Трофимыч, значит, тут одна молодая семья, ещё юридически не создавшись, фактически уничтожается извне самым варварским образом. А ведь любовь такая красивая у Бубна, пардон, у Кирилла нашего Бубнова с Викой из СИНХа[1 - Свердловский институт народного хозяйства], обзавидуешься! – Валера Жбанко на правах командира да и из некоторых стратегических соображений начал вводить куратора в курс дела первым.

– А теща его, ну, пока ещё не совсем теща, а просто мать невесты, такую подлянку молодым уделала, что удивительно, как Бубен, то есть Кирилл, рук на себя ещё не наложил от отчаянья. Уж я бы повесился только так, – продолжил просвещение куратора относительно создавшейся ситуации комиссар Шпынь.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Свердловский институт народного хозяйства

Купить: https://tellnovel.me/ru/temirbulat-samoylov_yuriy/klin-klinom

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)